

ГАТЧИНА И ГАТЧИНЦЫ В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ (1914 – 1918)

Очерк двадцать шестой

ГАТЧИНСКИЕ ОФИЦЕРЫ – ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

КАВАЛЕРИСТЫ (продолжение)

КАРДАШЕВСКИЙ – ЧАХЕМБУЛА – ДЕКРУА (1878 – 1945 1948?)

Это три имени одного и того же человека – Николая Викторовича Кардашевского. Первое – его настоящая фамилия; второе – эзотерическое имя (Кардашевский был последователем учения Н.К. Рериха); третье – литературный псевдоним (Николай Декруа). Но и эти имена не объясняют всё многообразие личности Кардашевского. Интересен этот человек, интересна и его судьба.

Отец его, генерал-лейтенант Виктор Игнатьевич Кардашевский (1840 – после 1915), был выпускником Петровского Полтавского кадетского корпуса, участвовал в Русско-турецкой войне 1877 – 1878 годов, военную карьеру завершал в должности командира 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии. Есть сведения, что В.И. Кардашевский был полковником лейб-гвардии Кирасирского полка. Но какого: Его или Её Величества? Его жена Ольга Юльевна Розен (1851 – после 1915) была дочерью барона Юлиуса Вильгельма (Юлия Евгеньевича) Розена, майора конной артиллерии.

Николай был единственным ребёнком с семье Кардашевских. Окончив 1-й кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище в Петербурге, он в 1899 году был направлен корнетом в 6-й лейб-драгунский Павлоградский полк, квартирующий в Сувалках.

В том же году Николая перевели в Кирасирский полк в Гатчине. С 1903 по 1910 год он нанимал квартиру в двухэтажном, деревянном, доселе сохранившемся доме Алешина на Люцевской улице, 63. А с 1910 по 1914 год он жил на Александровской, 5. Родители его с 1908 по 1916 год тоже жили в Гатчине, но по другому адресу – Люцевская, 64 и 66.

Карьера Николая в Кирасирском полку шла успешно; к началу Великой войны он был ротмистром, командиром эскадрона Её Величества.

Вместе с полком Кардашевский отбыл на Германский фронт, где уже в сентябре 1914 года отличился в боевых действиях в Восточной Пруссии, в т. ч., участвуя в поиске в районе Лансденен – Шиленен. Наградой вскоре стал орден св. Анны 2-й степени с мечами. 23 ноября 1914 года при артиллерийском обстреле при деревне Грабицы Кардашевский был контужен.

Проявляя доблесть и отвагу в сражениях, Кардашевский в марте 1915 года заслужил орден св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, а в июне того же года стал полковником. В начале 1917 года Кардашевский был заместителем командира Кирасирского полка по хозяйственной части.

Приключения, а, лучше сказать, похождения Кардашевского начались 15 мая 1917 года, когда его направили военным атташе в Тегеран в англо-индийскую армию. Так вышло, что он недолго даже служил в этой армии. По служебным делам посетил Персию, Месопотамию и Индию.

В 1918 году он уже состоял при английской миссии в Омске. Прекрасно проявил себя во время знаменитого Сибирского Ледяного похода в армии В.О. Каппеля. Затем служил в войсках атамана Г.М. Семёнова.

В 1919 году Кардашевский очутился в эмиграции в Китае (Харбин, Пекин). Тут он всерьёз и надолго увлёкся буддизмом. Как написано в документах английской разведки: «Он стал мистиком и считался своего рода чудаком».

В 1922 году Николай приехал в своё имение Раудонес в Литве под Каунасом и занялся сельским хозяйством и коммерцией: пытался выращивать табак и торговать чаем. По заказу кинематографистов писал книгу по истории костюма. Составлял биографии русских художников. Но дух его жаждал иного. В одном из писем он писал:

«Чувствую себя чем-то вроде опального генерал-аншефа Екатерининских времён, «отъехавшего» в вотчины. Привычка к большой деятельности, путешествиям, впечатлениям – плохо вяжется с моим настоящим. Чёрные поля, лужи с плескающимися утками и жёлтые уборы деревьев. Сегодня как завтра... Не огонь это «передовых позиций духовной войны». Нечто вроде похорон духа по третьему разряду... карикатурная нирвана. Иногда поездки в город с суетнёй и микроскопическими делами и... опять деревня».

Однако в это время он уже готовился к будущим путешествиям, изучал монгольский язык.

Увлечение его буддизмом продолжалось, и летом 1923 года Николай обучался оккультным наукам в Париже. Здесь он впервые встретился с Н.К. Рерихом и предложил своё сотрудничество. Последовали новые встречи с Рерихом; Кардашевский создал свой Религиозно-философский кружок. В письме Рериху Николай

**Поручик Кардашевский.
1905 год.**

написал:

«У меня очень много энергии, и я готов на большие подвиги. Двигающая сила – это красота. Красота подвига, красота работы, красота достижений...Вы знаете, почему я так любил военную службу. В ней масса красоты. Вот музыка барабанного боя. Казалось бы, просто треск... Но когда подумаешь, что под этот треск, казалось бы бессмысленный, много веков тысячи шли по воле одного на смерть, повинувшись этой воле – треск барабанов приобретает величавую и мрачную красоту».

В этот период Кардашевский, которому уже за 40, попытался устроить свою личную жизнь. Первая невеста ему нравилась, но свадьбе помешало противодействие её родителей.

Вторая – баронесса Евгения Елизавета Нина (Евгения Николаевна) Рауш фон Траубенберг, племянница, кстати, бывшего (в 1899 – 1901) командира Гатчинского Кирасирского полка, генерала от кавалерии Евгения Александровича Рауша фон Траубенберга – хотя и стала женой Николая Викторовича, но совместной жизни у них так и не получилось.

Третья невеста оказалась больна чахоткой, женитьба не состоялась.

С четвёртой невестой – Евгенией Георгиевной Вебес – Николай наконец-то узнал чистую, святую любовь. Но тяжёлая болезнь Евгении (рак) помешала женитьбе. С этого времени Кардашевский сознательно встал на путь отречения, монашества.

В это время от Н.К. Рериха последовало предложение стать начальником конвоя Центрально-Азиатской экспедиции Рерихов (Миссия западных буддистов в Лхасу).

В своём дневнике «Тибетские странствия полковника Кордашевского (С экспедицией Н.К. Рериха по Центральной Азии)» Николай написал:

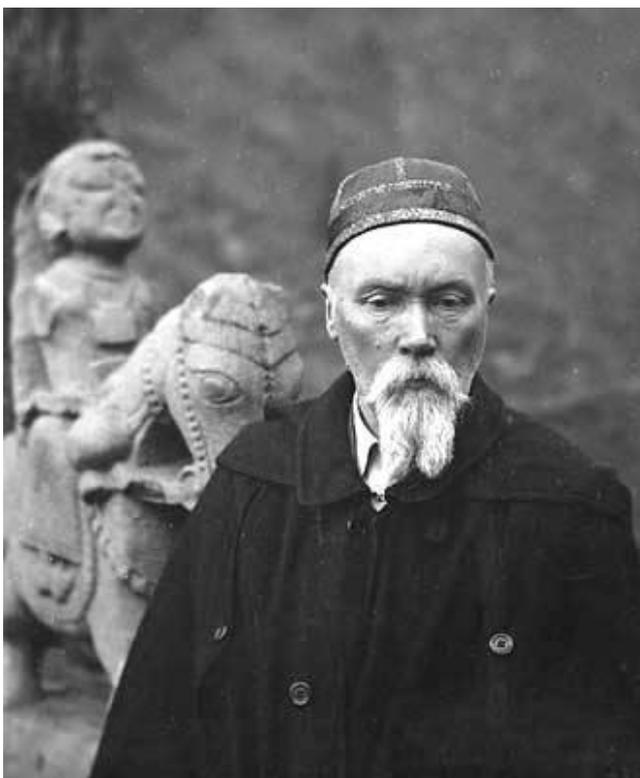
«В декабре 1926 года получил я из Нью-Йорка известие, что в принципе решено Посольство Западных буддистов, которое пройдёт через Тибет, причём Николай Константинович Рерих, продолжая свою уже трёхлетнюю большую экспедицию по Центральной Азии, станет во главе этой миссии, и что, лично зная меня, Н.К.Р. предлагает мне должность начальника конвоя этого Посольства. Почти одновременно с письмом пришла и телеграмма с тем же, но уже официальным предложением от поверенного в делах Н.К.Р. В случае согласия, мне предлагалось около 1-го апреля выехать через Суэц и Индию в Пекин и из наиболее удобного пункта в северном Китае, организовав свой караван, идти на Сучжоу в провинции Ганьсу на соединение с ядром экспедиции. По прибытии в Сучжоу я должен был получить через почтовую контору этого города дальнейшие директивы.

Предложение такого человека, как Н.К.Р., которого я уже давно научился ценить как творца мировых образов, мыслителя и создателя многих удивительных учреждений, было мне особенно лестно. Участвовать же в Посольстве, шедшем не более и не менее как в Тибет, страну, полную каких-то сказочных тайн, и притом под руководством Н.К.Р., глубокого знатока буддизма, имело большую притягательную силу. И особенно для каждого, интересующегося эзотерикой и мистикой. Особенно же притягательно было то, что всякая деятельность Н.К.Р., в какой бы области она ни проявлялась, всегда необычна и совершенно своеобразна. Немедленно ответил я согласием, и моя жизнь наполнилась мечтами о предстоящем путешествии.

Я уехал из города в маленькое имение, куда в скором времени начали, по распоряжению из Нью-Йорка, приходить книги о Тибете. Новые и старые,

ставшие библиографическими редкостями. От труда патера Гука, посетившего Лхасу в XVI столетии, до последней книги Свена Гедина — всё появилось у меня под рукой. Мой кабинет стал комнатой путешественника, готовящегося в далёкий путь. Я усердно работал, пополняя свои знания, а когда уставали глаза, садился перед камином и, смотря на игру огня, уносился мыслью в заманчивое будущее. Чудился сомкнутый круг мёртвых, необозримых пустынь; вставали в воображении величественные горы Центральной Азии с уходящими в небо снеговыми вершинами. Перевалы — холодные могилы караванов и тропы-карнизы над бездонными пропастями. Вырисовывались из туманов великие озёра Тибета, одни — спокойно-зеркальные, другие — в вечном шуме и плеске волнующихся вод. Немного смущало происходящее в Китае, но я знал эту страну по прежним путешествиям, и мне было ясно, что развивающиеся там события более страшны на страницах европейских газет, нежели в действительности.

Радостна была и мысль о близкой встрече с Н.К.Р. Есть люди обыденные и необыкновенные. К этим последним принадлежит Н.К.Р. В толпе они сразу становятся заметными, и даже мимолётные встречи с ними врезаются в память. Говоря о внешнем облике Н.К.Р., следует отметить соединение в чертах его лица азиатского и европейского типа, с резким преобладанием первого. Эта подробность особенно подчёркнута на его портрете «с опущенными глазами» — кисти Святослава Рериха.

Н.К. Рерих

Н.К.Р. небольшого роста, худощавый, хорошо сложенный, с маленькими породистыми руками и ногами. Несмотря на уже пожилые годы, он сохраняет всю подвижность и энергию молодости. Лицо с немного выдающимися скулами и узкими глазами обрамлено слегка раздваивающейся бородой, серебрищейся сильной проседью. Глаза серые, очень пронизательные и смотрящие с глубоким спокойствием. Одно из главных свойств Н.К.Р. — удивительные ровность, спокойствие и выдержка. Всегда приветливый, одинаковый со всеми, он никогда не возвысит голоса, не скажет резкого слова. Он всегда бодр, жизнерадостен, но ни разу не пришлось мне видеть Н.К.Р. смеющимся и редко удавалось уловить улыбку на его подвижном лице. Надо быть большим психологом, чтобы суметь обрисовать

разносторонний, необычно богатый внутренний облик Н.К.Р. В нём каждый день что-то новое, и при этом ни в мыслях, ни в словах не бывает повторения. Не берясь за эту трудную задачу, я всё же в течение своих записок постараюсь очертить его личность, одну из самых выдающихся в нашем XX столетии.

День за днём, в увлекательной работе проходит моя жизнь в занесённом снегом деревенском доме. Наконец, наступает час отъезда. Три телеграммы, одна за другой, приблизили срок...».

Начались сборы в дорогу. Список самых необходимых вещей: скорострельная винтовка, пистолет на седле, револьвер за пояс, нож охотничий, компас и планшетка, бинокль «Цейс», фонарь для свечей, конское снаряжение, топоры, лопаты, верёвки, конский педометр, хлыст, палатка, 2 одеяла, куртка на меху, непромокаемый плащ, 2 пары брезентовых сапог, 12 пар чулок, 12 воротников, 3 пижамы, спальный мешок, зажигательное стекло, огниво, вертел, набор для еды, бутылка спирта, таган для варки белья, мыло бельевое, бочонок для воды, гвоздичное масло, порошок от насекомых, свечи, очки против солнца, подарки для туземцев...

Экспедиция Н.К. Рериха в Тибет – событие, до сего времени окутанное многими тайнами, несмотря на то, что об этой экспедиции написано немало книг, в т. ч. и самим Н.К. Рерихом. Поэтому опубликование дневников Н.В. Кардашевского приоткрывает некоторые из этих тайн. В предисловии к своим дневникам он записал:

«Настоящая рукопись заключает в себе как бы две параллельные части, переплетённые между собой, но нарочно мало связанные, чтобы отграничить их друг от друга.»

Одна — это фильм путешествия. Картины ли взбудораженного Китая, спящей ли своими тысячелетними снами Монголии или события, развернувшиеся перед нашими глазами в суровом и диком Тибете. События исторической ценности, долженствующие изменить лицо всего буддийского мира. В первый раз, на основании личного опыта и совершенно сознательно, в этом дневнике будет высказано суждение о Тибете, как о стране, дошедшей до крайнего предела упадка и невежества, совершенно противоречащего учению Будды.

Кроме описанных в дневнике переживаний, путешествие изобиловало ещё и фактами того высокого порядка, которые не подлежат изложению в обычных записях и своевременно появятся в печати.

Другая часть — это воплощенная на фоне фильма путешествия фигура Н.К. Рериха, одного из самых выдающихся людей нашего времени. Великий художник, глубокий мыслитель и общественный деятель — таким знает его образованный мир. Как государственного человека, вождя людей и мудрого Учителя хочу я обрисовать Н.К.Р. на страницах своей книги. В жизни трудного путешествия, изо дня в день, в словах, мыслях и действиях, которые я тщательно собирал и записывал.

Если бы я не справился со своей задачей и не сумел бы создать то, что хочу, — всё же мой труд будет немалым вкладом в будущую биографию человека, которого в скором времени человечество назовёт одним из своих величайших героев».

Н.В. Кардашевский в экспедиции

Экспедиция длилась с 28 июля 1927 по 25 апреля 1928 года. Путешествие было трудным: в летних палатках приходилось ночевать при температуре минус 60 градусов. Впечатления от увиденного в Тибете, Монголии и Китае так повлияли на Николая, что он впал в мистицизм, у него появилась мания величия.

После окончания экспедиции Рериха Кардашевский некоторое время жил в Индии (Бомбей), оттуда выехал в Ватикан, чтобы заняться «объединением религий». Потом жил в Тунисе и Палестине.

Надо сказать, что Рерихи, Николай Константинович и его супруга Елена Ивановна, с самого первого знакомства с Кардашевским всерьёз его, как мыслителя, не принимали, хотя сам Николай Викторович относился к ним с большим уважением. Из письма Н.К. Рериха в Америку от 1 ноября 1923 года:

«Немного юн головою Чахембула (и даже мнит, что будто бы что-то знает, а сам в пригготовительном классе), ну да он по военной части – ему простительно».

А в 1930-х годах семья Рерихов стала считать Кардашевского «одержимым», неуравновешенным, старалась меньше общаться с ним. Из письма Е.И. Рерих Г.Г.Шкляверу от 12 сентября 1934 года:

«Также и с Н.В. Кардашевским будьте очень осмотрительны, лучше не отвечать или очень затягивать ответ. Мы с ним никаких сношений не имеем и не можем иметь. Он человек очень неуравновешенный и имел даже приступ настоящего одержания, и, должно быть, неуравновешенность осталась в нём, ибо все поручения, о которых он пишет, существуют лишь в его собственном мозгу. Этим своим воображением он и опасен. Само собой разумеется, что писать ему о Н.К. Вы не будете».

Кардашевский занялся литературной обработкой дневника экспедиции, писал мистический роман, повесть, биографии русских художников. Все эти работы, кроме дневника, так и не были опубликованы.

Рукопись дневника экспедиции была обнаружена в 1990-х годах в архиве Музея Рериха в Нью-Йорке; издана в 1999 году. Ныне эта работа доступна в интернете.

Последние полтора десятилетия жизни Кардашевский провёл в духовных метаниях. Есть сведения, что он в 1928 году принял монашество во вновь образованном в Риме «Новом ордене», а затем в Тунисе и Египте читал лекции по эзотерическому христианству. Ходили даже слухи, что он едва не сделался католическим священником.

В конце концов Кардашевский осел на Святой земле, в Палестине. Умер он, будучи церковным сторожем в Иерусалиме.

ВЛАДИСЛАВ КИСЛОВ